

ПАВЕЛ ВЕЛИКИЙ

**МАКАРИОС III.
ИСТОРИЯ
КИПРА ЧЕРЕЗ
СУДЬБУ
ОДНОГО
ЧЕЛОВЕКА**

ЛИДЕР, ГОСУДАРСТВО
И ТРАГЕДИЯ РАЗДЕЛЁННОГО
ОСТРОВА

Павел Великий

**Макариос III. История
Кипра через судьбу одного
человека. Лидер, государство
и трагедия разделённого острова**

«Издательские решения»

Великий П.

Макариос III. История Кипра через судьбу одного человека. Лидер, государство и трагедия разделённого острова / П. Великий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-691805-4

Архиепископ Макариос III — духовный лидер и основатель Республики Кипр, сыгравший ключевую роль в судьбе молодого государства. Книга прослеживает его путь от лидера антиколониального движения до главы государства и анализирует политические кризисы, приведшие к событиям 1974 года и разделу острова. Документальный и аналитический подход делает это исследование интересным для читателей, изучающих историю и политику XX века.

ISBN 978-5-00-691805-4

© Великий П.
© Издательские решения

Содержание

Введение	8
Аннотация	9
III. Переход к британскому правлению: ожидания и разочарования	13
IV. Формирование национального самосознания	15
V. Кипр в логике позднего колониализма	17
VI. Предпосылки появления нового типа лидера	19
VII. Итог главы и переход к биографическому повествованию	21
ГЛАВА II	23
Происхождение и образование Макариоса III	23
I. Происхождение и ранняя социальная среда	24
II. Духовное образование и ранняя церковная карьера	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

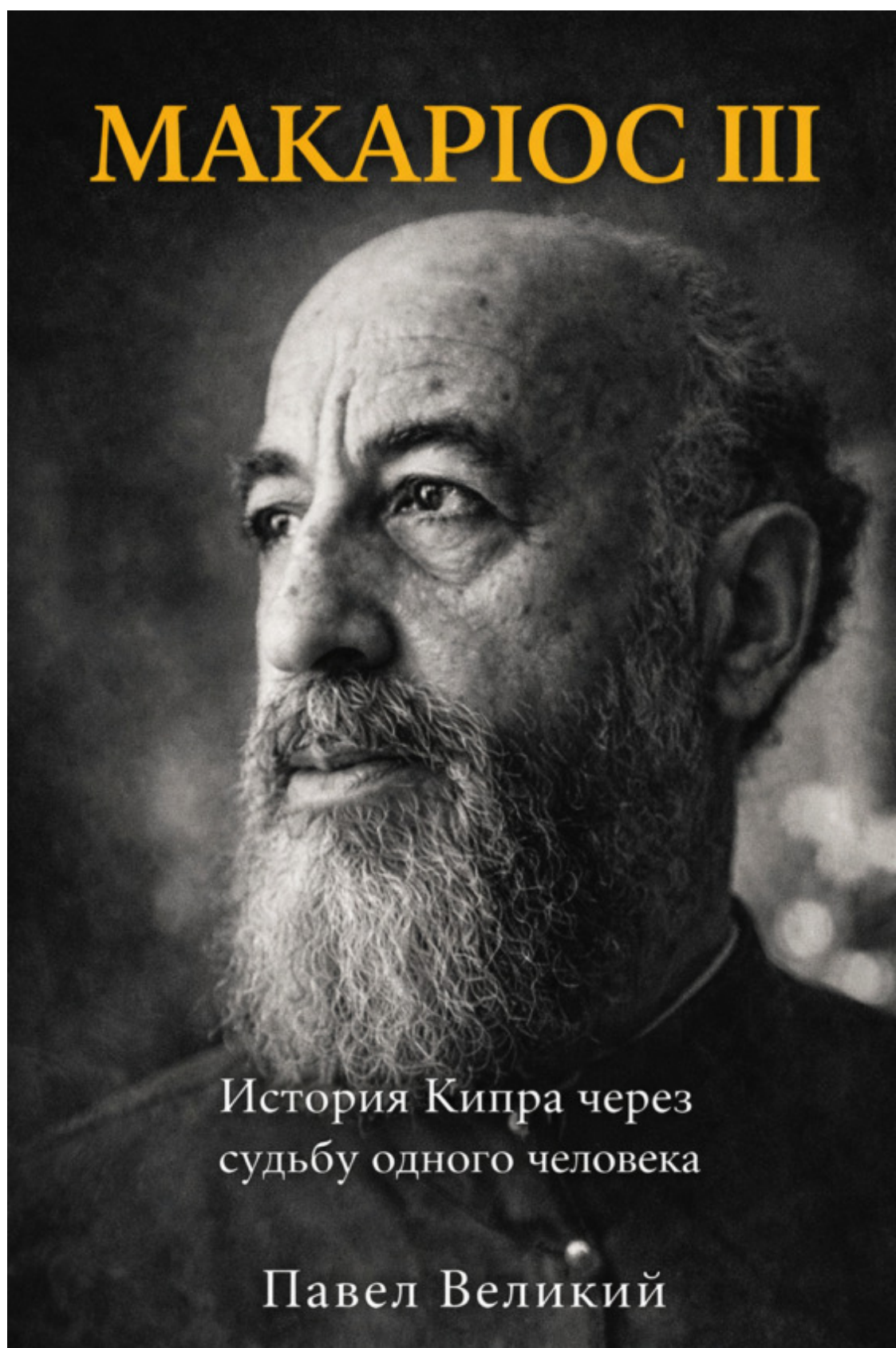
Макариос III. История Кипра через судьбу одного человека Лидер, государство и трагедия разделённого острова

Павел Великий

© Павел Великий, 2026

ISBN 978-5-0069-1805-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта книга – история Кипра второй половины XX века, рассказанная через судьбу архиепископа и президента Макариоса III, человека, оказавшегося в центре столкновения великих держав, национальных проектов и иллюзий международного порядка. Маленький ост-

ров в Восточном Средиземноморье стал ареной глобальной политики, где решения, принятые за его пределами, определяли судьбы сотен тысяч людей.

Книга показывает, как рождалась независимая Республика Кипр и почему компромиссная конституционная модель 1960 года, призванная гарантировать мир, на деле заложила основу будущей катастрофы. Через биографию Макариоса читатель увидит, как лидер малого государства вынужден лавировать между внутренним расколом, давлением внешних гарантов и собственной ответственностью за сохранение государственности.

Центральное место в книге занимают кризисы 1960-х годов: межобщинное насилие, вмешательство Организации Объединённых Наций, дипломатическая борьба в условиях холодной войны и попытки Кипра сохранить независимость через политику неприсоединения. Эти события раскрываются не как набор эпизодов, а как логическая цепь, ведущая к трагическому перелому 1974 года.

Отдельный методологический раздел объясняет, почему Кипр оказался особенно уязвимым как малое государство. География, навязанный институциональный дизайн и зависимость от международных гарантий сделали конфликт практически неизбежным. Катастрофа 1974 года – переворот, внешнее военное вмешательство и фактический раздел острова – представлена как результат долгого процесса, а не внезапного обрыва истории.

Заключительные главы посвящены жизни Кипра после катастрофы и наследию Макариоса. Его фигура предстаёт не только как историческая личность, но и как символ, вокруг которого формируются память, политика и переговорные позиции на протяжении десятилетий. Книга завершается размышлением о том, что опыт Кипра и Макариоса говорит нам о границах суверенитета, цене компромисса и судьбе малых государств в мире больших сил.

Это не апология и не обвинительный акт, а глубокое, обоснованное различными источниками исследование, написанное для широкого русскоязычного читателя. Книга будет интересна тем, кто хочет понять, как работает международная политика на примере одной человеческой судьбы – и почему история Кипра остаётся незавершённой до сих пор.

Введение

История Кипра второй половины XX века – это история маленького острова, оказавшегося в центре больших мировых процессов. Здесь переплелись деколонизация и холодная война, национальные идеи и международная дипломатия, надежды на независимость и трагедия раздела. Для большинства читателей Кипр ассоциируется прежде всего с морем и древними памятниками, однако за этим внешним спокойствием скрывается одна из самых драматичных политических историй современности.

В центре этой книги – Макариос III, человек, чья судьба стала неотделимой от судьбы кипрского государства. Архиепископ, революционер, президент, международный дипломат – он на протяжении десятилетий оставался ключевой фигурой кипрской политики и одновременно символом надежд, противоречий и трагедий своего времени. Его жизнь позволяет увидеть историю Кипра не как абстрактную череду событий, а как живой процесс, наполненный сложными выборами и ограниченными возможностями.

Эта книга написана не как политическая апология и не как обвинительный акт. Она предлагает рассказ о том, как малое государство пыталось выжить в мире, где решения часто принимались далеко за его пределами. Через биографию Макариоса читатель увидит, как международная политика, внутренние конфликты и личные решения переплетались, формируя путь Кипра от независимости к катастрофе 1974 года и к долгой эпохе незавершённого конфликта.

Текст адресован широкому русскоязычному читателю. Он не требует специальной подготовки, но при этом опирается на источниковую базу и современные исторические исследования. Цель книги – не только рассказать историю Макариоса и Кипра, но и показать, почему эта история важна сегодня: как пример уязвимости малых государств и как напоминание о том, что международная политика редко бывает справедливой, но почти всегда бывает решающей.

Аннотация

Данная книга посвящена фигуре Макариоса III и истории Республики Кипр второй половины XX века, рассмотренной через призму политического лидерства, институционального дизайна и структурной уязвимости малого государства в условиях холодной войны. Книга предлагает комплексный анализ кипрского вопроса от периода деколонизации и обретения независимости до кризисов 1960—1970-х годов, кульминацией которых стали события 1974 года и фактический раздел острова.

В центре книги – политическая стратегия Макариоса, его попытки сочетать внутреннюю консолидацию, международную легитимность и внешнеполитическое маневрирование в условиях ограниченного суверенитета. Особое внимание уделяется роли международных акторов, механизмам гарантий, деятельности Организации Объединённых Наций и влиянию регионального баланса сил на внутреннюю динамику Кипра. Анализ основан на корпусе источников, включающем монографии, научные статьи, документы ООН, государственные и дипломатические материалы, а также публичные выступления самого Макариоса, с точной ссылочной базой и пагинацией.

Методологически работа опирается на подходы политической истории, теории малых государств и исследования коллективной памяти. В книге показано, что катастрофа 1974 года не может быть объяснена исключительно через персональные ошибки или единичные решения, а является результатом наложения структурных ограничений, внутренней радикализации и целенаправленного внешнего вмешательства. Послекризисный период анализируется через трансформацию фигуры Макариоса из действующего политического лидера в символ национальной памяти и элемент переговорного дискурса.

Книга ориентирована на русскоязычного читателя и предназначена для историков, политологов, специалистов по международным отношениям, а также для всех, кто интересуется историей Кипра, проблематикой суверенитета и судьбой малых государств в международной системе. Работа предлагает взвешенное, не апологетическое и обоснованное осмысление одной из ключевых политических фигур Восточного Средиземноморья и её исторического контекста.

I. Кипр как геополитическое пространство Восточного Средиземноморья

Историческое развитие Кипра на протяжении веков определялось прежде всего его географическим положением. Расположенный в восточной части Средиземного моря, остров находился на пересечении морских путей, связывавших Европу, Малую Азию, Ближний Восток и Северную Африку. Это положение делало Кипр не изолированной периферией, а элементом более широкой региональной системы, в которой торговля, военная логистика и политическое соперничество были неразрывно связаны.¹

Кипр на протяжении своей истории редко обладал устойчивой политической автономией. Его размеры и ресурсы были достаточны для того, чтобы представлять стратегический интерес, но недостаточны для того, чтобы противостоять внешнему давлению крупных держав. В результате остров оказывался включённым в орбиту империй, чьи интересы формировались далеко за его пределами. Историки подчёркивают, что именно эта структурная уязвимость определила повторяемость внешнего господства как устойчивого элемента кипрской истории.²

География острова формировала особую логику власти. Контроль над Кипром позволял обеспечивать военное присутствие в Восточном Средиземноморье и влиять на коммуникации, ведущие к Суэцкому перешейку и Ближнему Востоку. В разные эпохи – от античности до Нового времени – это обстоятельство делало остров важным пунктом стратегического планирования, независимо от его внутреннего социального устройства.³

Внешнее господство над Кипром, однако, не означало полного разрушения местных институтов. Напротив, каждая новая власть сталкивалась с необходимостью опираться на уже существующие формы социальной организации для поддержания стабильности. Это приводило к своеобразному разделению функций: формальный суверенитет принадлежал внешнему центру, тогда как повседневная социальная жизнь регулировалась локальными структурами. Такой дуализм власти стал характерной чертой кипрского исторического опыта.⁴

Последовательная смена режимов господства – византийского, франкского, венецианского, османского, а затем британского – не уничтожала эту модель, а лишь видоизменяла её. Каждый новый режим адаптировал существующие институты под собственные управленческие нужды. В результате на Кипре сформировалась устойчивая традиция институциональной преемственности, при которой глубинные формы общественной организации сохранялись даже при радикальной смене политической надстройки.⁵

Этот опыт оказал значительное влияние на формирование общественного сознания. Для населения Кипра власть воспринималась как феномен, приходящий извне и подверженный изменениям, тогда как устойчивость ассоциировалась с локальными институтами – общиной, религией, традицией. Такая структура восприятия способствовала формированию особого типа исторической памяти, в которой государственные формы играли вторичную роль по сравнению с коллективной идентичностью.⁶

В XIX веке, с началом эпохи глобального колониализма, значение Кипра было переосмыслено в новых категориях. Для европейских держав остров представлял интерес уже не только как торговый пункт, но и как элемент военно-стратегической системы. Исследования британской подтверждают, что Кипр рассматривался как ключевой объект контроля над восточной частью Средиземного моря и коммуникациями Ближнего Востока.⁷

Таким образом, геополитическое положение Кипра следует рассматривать не как нейтральный фон исторических событий, а как активный фактор, формировавший логику внешнего господства и внутренней институциональной преемственности. Именно эта двойственность – сочетание внешнего контроля и внутренней устойчивости – создала условия для особого пути политического развития острова и подготовила почву для появления в XX веке лидеров, способных соединить религиозный, национальный и политический авторитет.⁸

Примечания к разделу I

- Paschalis Kitromilides, «Religion and Politics in Cyprus under Ottoman and British Rule,» pp. 119—120.
- Robert Holland, *Britain and the Revolt in Cyprus, 1954—1959* (PDF), pp. 1—3.
- British Colonial Office, *Cyprus Blue Book* (PDF), pp. 19—21.
- Paschalis Kitromilides, «Religion and Politics in Cyprus under Ottoman and British Rule,» pp. 120—121.
- Paschalis Kitromilides, «Orthodoxy and National Identity in Modern Greece,» pp. 148—150.
- Paschalis Kitromilides, «Orthodoxy and National Identity in Modern Greece,» pp. 150—152.
- British Colonial Office, *Cyprus Blue Book* (PDF), pp. 21—23.
- Robert Holland, *Britain and the Revolt in Cyprus, 1954—1959* (PDF), pp. 3—6.

II. Османский период: церковь как политический институт

Включение Кипра в состав Османской империи в XVI веке стало одним из наиболее продолжительных этапов внешнего господства над островом. Османское правление определило не только административную структуру Кипра, но и характер отношений между властью и местным населением, оказав долговременное влияние на общественную и политическую

организацию острова. В отличие от более поздних колониальных режимов, османская система управления допускала значительную степень внутренней автономии религиозных общин, что имело принципиальное значение для формирования кипрской специфики.¹

Административная практика Османской империи основывалась на признании религиозных общин в качестве базовых единиц социальной организации. В рамках системы *миллетов* православное население Кипра рассматривалось как отдельная конфессиональная община, обладавшая собственными институтами самоуправления. Главой этой общины выступал архиепископ, который признавался официальным представителем православных киприотов перед османскими властями.²

Архиепископ Кипра в османский период выполнял функции, выходившие далеко за пределы духовного служения. Исторические исследования показывают, что он участвовал в сборе налогов, разрешении гражданских споров и передаче распоряжений центральной власти на местный уровень. В условиях отсутствия автономных светских институтов именно церковь становилась ключевым посредником между населением и имперской администрацией.³

Подобная роль церкви не была следствием особых привилегий, предоставленных православному населению, а представляла собой прагматическое решение османской власти. Делегирование части управленческих функций религиозным лидерам позволяло империи сохранять контроль над многонациональными территориями при минимальных административных издержках. В результате церковная иерархия была встроена в систему управления как элемент политической стабильности.⁴

Длительность османского правления способствовала институционализации этой модели. На протяжении нескольких столетий население Кипра привыкало к тому, что именно церковь является главным каналом представительства коллективных интересов, а архиепископ – фигурой, от которой зависит взаимодействие общины с властью. Политическая субъектность формировалась не в рамках светских органов, а через религиозный институт, обладавший как символическим, так и практическим авторитетом.⁵

Несмотря на относительную автономию, османский период не был временем социальной гармонии. Экономические трудности, налоговое давление и злоупотребления местных чиновников регулярно вызывали напряжённость. Однако именно в условиях кризисов церковь укрепляла своё положение как защитник интересов общины, выступая посредником в конфликтах и источником коллективной легитимности.⁶

Ключевым результатом османского периода стало формирование устойчивой связки между религиозной и общественно-политической идентичностью. Православие на Кипре перестало быть исключительно конфессиональной принадлежностью и превратилось в основу коллективного самосознания. Через церковные структуры передавались не только религиозные нормы, но и историческая память, культурные традиции и представления о социальной справедливости.⁷

Именно в этот период закрепляется представление о духовном лидере как о фигуре, ответственной за судьбу общины в целом. Архиепископ воспринимался не как частное лицо, а как носитель коллективного достоинства и защитник народа. Эта модель лидерства, сформированная в условиях имперского правления, будет воспроизводиться и в последующие эпохи, включая британский колониальный период и национальное движение XX века.⁸

Таким образом, османский период стал фундаментальным этапом в формировании кипрской политической культуры. Он заложил институциональную преемственность, в рамках которой церковь превратилась в центральный общественный институт. Понимание этой преемственности является необходимым условием для анализа последующих этапов кипрской истории и объясняет, почему религиозный лидер сможет в XX веке занять ключевое место в политической жизни острова.⁹

Примечания к разделу II

- Paschalis Kitromilides, «Religion and Politics in Cyprus under Ottoman and British Rule,» pp. 119—121.
- Paschalis Kitromilides, «Religion and Politics in Cyprus under Ottoman and British Rule,» pp. 121—123.
- Paschalis Kitromilides, «Orthodoxy and National Identity in Modern Greece,» pp. 148—150.
- Paschalis Kitromilides, «Orthodoxy and National Identity in Modern Greece,» pp. 150—152.
- *Άπαντα Αρχιεπισκόπου Μακαρίου Γ΄*, Τόμος I (PDF), σ. 10—12.
- British Colonial Office, *Cyprus Blue Book* (PDF), pp. 7—9.
- Paschalis Kitromilides, «Orthodoxy and National Identity in Modern Greece,» pp. 152—155.
- *Άπαντα Αρχιεπισκόπου Μακαρίου Γ΄*, Τόμος I (PDF), σ. 12—14.
- Robert Holland, *Britain and the Revolt in Cyprus, 1954—1959* (PDF), pp. 1—3.

III. Переход к британскому правлению: ожидания и разочарования

Передача Кипра под управление Великобритании в 1878 году была воспринята значительной частью греко-кипрского населения как событие, открывающее принципиально новые перспективы. Ослабление Османской империи и рост влияния либеральных идей в Европе породили ожидания, что британское правление станет шагом к политическим реформам и, в более отдалённой перспективе, к реализации идеи *эносиса*. Историки отмечают, что эти ожидания основывались не столько на конкретных обещаниях британской стороны, сколько на символическом восприятии Великобритании как носителя конституционных и правовых традиций.¹

На начальном этапе британская администрация действительно стремилась дистанцироваться от османской модели управления. Были проведены административные реформы, направленные на рационализацию налоговой системы и модернизацию управления. Однако уже в этот период становится очевидным, что главной целью Лондона было не развитие автономии острова, а обеспечение его стратегической полезности. Официальные документы подчёркивают, что Кипр рассматривался прежде всего как элемент военно-политической инфраструктуры Британской империи в Восточном Средиземноморье.²

Расхождение между ожиданиями населения и реальными приоритетами колониальной администрации постепенно нарастало. Британская политика исходила из логики позднего колониализма, в рамках которой любые формы политического самоопределения рассматривались как угроза стабильности имперской системы. Вопрос о возможном изменении статуса Кипра последовательно выводился за рамки допустимой политической дискуссии, несмотря на растущую активность местных элит.³

Особое место в этом процессе занимала Православная церковь. Сохранив институциональную преемственность с османским периодом, она продолжала играть роль основного представителя греко-кипрской общины. Архиепископ и высшее духовенство становились ключевыми посредниками между населением и колониальной администрацией, одновременно аккумулируя общественное недовольство. Исследователи подчёркивают, что именно в этот период церковь окончательно утвердилась как центр не только религиозной, но и общественно-политической мобилизации.⁴

Британская администрация, в свою очередь, рассматривала церковь как потенциальный источник нестабильности. С одной стороны, она была вынуждена опираться на её авторитет для поддержания порядка, с другой – стремилась ограничить её влияние в сфере политических требований. Эта двойственность проявлялась в противоречивой политике: признании формального статуса церковной иерархии при одновременном игнорировании её политических инициатив.⁵

К началу XX века стало очевидно, что первоначальные надежды на эволюционное развитие Кипра в сторону политического самоопределения не оправдались. Британское правление, вопреки ожиданиям, не ослабило, а во многом усилило структурный конфликт между колониальной властью и национальными устремлениями греко-кипрского населения. Идея *эносиса* из абстрактного культурного символа постепенно превращалась в политическое требование, адресованное не только Лондону, но и международному сообществу.⁶

Таким образом, переход к британскому правлению стал не периодом постепенного сближения интересов метрополии и местного населения, а этапом накопления противоречий. Разочарование в колониальной политике создало условия для радикализации общественных настроений и укрепления роли церкви как носителя национальных ожиданий. Этот опыт стал важнейшей предпосылкой для формирования политической среды, в которой в дальнейшем

появятся лидеры, способные соединить религиозный авторитет с национальной и политической программой.⁷

Примечания к разделу III

- Paschalis Kitromilides, «Religion and Politics in Cyprus under Ottoman and British Rule,» pp. 123—125.
- British Colonial Office, *Cyprus Blue Book* (PDF), pp. 19—21.
- Robert Holland, *Britain and the Revolt in Cyprus, 1954—1959* (PDF), pp. 4—6.
- Paschalis Kitromilides, «Orthodoxy and National Identity in Modern Greece,» pp. 155—158.
- British Colonial Office, *Reports on Cyprus Clergy and Politics* (PDF), pp. 11—13.
- Paschalis Kitromilides, «Orthodoxy and National Identity in Modern Greece,» pp. 158—160.
- Robert Holland, *Britain and the Revolt in Cyprus, 1954—1959* (PDF), pp. 6—8.

IV. Формирование национального самосознания

Формирование национального самосознания на Кипре в конце XIX – первой половине XX века происходило в контексте глубоких социальных и культурных трансформаций, связанных с изменением образовательной среды и усилением контактов с греческим культурным пространством. Британское правление, несмотря на политические ограничения, создало условия для расширения системы образования, что способствовало распространению идей национального возрождения и переосмыслению коллективной идентичности. Исследователи отмечают, что именно через образование национальные идеи получили институциональную форму и устойчивое воспроизводство.¹

Школы и учебные программы, ориентированные на греческий язык и историю, играли ключевую роль в этом процессе. Обучение в Афинах и контакты с греческими интеллектуальными центрами способствовали переносу на кипрскую почву концепций, сформировавшихся в рамках греческого национального движения XIX века. В результате формировалось представление о принадлежности греко-кипрского населения к более широкой национальной общности, выходящей за рамки колониального контекста.²

Центральным элементом этого дискурса стала идея *энозиса* – объединения с Грецией. На раннем этапе *энозис* функционировал прежде всего как культурный и символический проект, отражавший стремление к исторической и цивилизационной преемственности. Он апеллировал к общему языку, религии и исторической памяти, а не к конкретным политическим механизмам. Исследователи подчёркивают, что именно эта символическая форма позволила идее получить широкую поддержку в различных слоях общества.³

Постепенно *энозис* приобретал и политическое измерение. Расширение общественной дискуссии, деятельность образовательных и церковных институтов, а также разочарование в колониальной политике Великобритании способствовали превращению культурного символа в политическое требование. В этом процессе ключевую роль играла Православная церковь, которая выступала каналом трансляции национального дискурса в условиях отсутствия легальных политических институтов.⁴

Слияние религиозного и национального начал стало характерной чертой кипрского общественного сознания. Православие воспринималось не только как конфессиональная принадлежность, но и как маркер национальной идентичности. Через церковные структуры распространялись представления о коллективном достоинстве, исторической миссии и праве на самоопределение. Этот процесс укреплял авторитет церковной иерархии и расширял её влияние за пределы сугубо духовной сферы.⁵

Важно отметить, что формирование национального самосознания не носило однородного характера. Различные социальные группы по-разному воспринимали национальный проект, а его содержание менялось в зависимости от исторического контекста. Тем не менее к середине XX века национальная идея стала доминирующим элементом общественного дискурса, определявшим рамки политического воображения и общественных ожиданий.⁶

Таким образом, процесс формирования национального самосознания на Кипре следует рассматривать как результат взаимодействия образования, культурных связей и институциональной роли церкви. Он не был прямым следствием колониальной политики, но развивался в её рамках, постепенно выходя за пределы допустимого для колониальной системы. Этот процесс создал идеологическую и социальную основу для последующих этапов кипрской истории, включая радикализацию национального движения и появление политических лидеров, способных артикулировать национальные требования в публичном пространстве.⁷

- Paschalis Kitromilides, «Orthodoxy and National Identity in Modern Greece,» pp. 148—150.
- Paschalis Kitromilides, «Orthodoxy and National Identity in Modern Greece,» pp. 150—152.
- Paschalis Kitromilides, «Orthodoxy and National Identity in Modern Greece,» pp. 152—155.
- Paschalis Kitromilides, «Religion and Politics in Cyprus under Ottoman and British Rule,» pp. 125—127.
- Άπαντα Αρχιεπισκόπου Μακαρίου Γ', Τόμος Ι (PDF), σ. 14—16.
- Robert Holland, *Britain and the Revolt in Cyprus, 1954—1959* (PDF), pp. 8—10.
- Paschalis Kitromilides, «Orthodoxy and National Identity in Modern Greece,» pp. 155—158.

V. Кипр в логике позднего колониализма

К началу XX века британское правление на Кипре окончательно оформилось в рамках модели позднего колониализма, характерной для Британской империи в период между мировыми войнами. В отличие от ранних форм колониального управления, ориентированных на прямую эксплуатацию ресурсов, поздний колониализм сочетал элементы административной модернизации с жёстким контролем над политическим развитием зависимых территорий. В этом контексте Кипр рассматривался как объект стратегического управления, а не как общество, подлежащее постепенной политической эмансипации.¹

Стратегическое значение острова в британских расчётах постоянно возрастало. Официальные документы подчёркивают роль Кипра как опорного пункта для контроля над восточной частью Средиземного моря и коммуникациями, ведущими к Ближнему Востоку. После открытия Суэцкого канала и усиления британского присутствия в регионе Кипр стал рассматриваться как элемент единой системы безопасности империи, что существенно ограничивало возможности пересмотра его политического статуса.²

В этих условиях колониальная администрация последовательно блокировала любые инициативы, связанные с расширением политического самоуправления. Даже ограниченные формы представительства, допускавшиеся в других частях империи, на Кипре носили строго консультативный характер и не затрагивали ключевых вопросов суверенитета. Исследователи отмечают, что британская политика исходила из принципа сохранения статус-кво, при котором стабильность управления ставилась выше требований политического участия местного населения.³

Особое значение в логике позднего колониализма приобретала проблема управления общественным недовольством. Британская администрация стремилась минимизировать риск открытой конфронтации, сочетая репрессивные меры с попытками институционального контроля над общественными структурами. В этом контексте Православная церковь рассматривалась одновременно как необходимый посредник и как потенциальный источник угрозы колониальному порядку.⁴

Политика в отношении церкви носила противоречивый характер. С одной стороны, колониальные власти признавали её авторитет и использовали его для поддержания общественного порядка. С другой – они стремились ограничить её влияние в сфере национальной мобилизации, рассматривая любые политические заявления духовенства как выход за пределы допустимого. Архивные материалы показывают, что церковная активность находилась под постоянным наблюдением колониальной администрации.⁵

Кипрский случай демонстрирует характерную особенность позднего колониализма: неспособность колониальной системы адаптироваться к росту национального самосознания. Несмотря на внешнюю стабильность, внутренняя легитимность колониального режима постепенно подтачивалась. Национальные требования не находили институционального выхода, что способствовало их накоплению и радикализации.⁶

В результате колониальная политика, направленная на сохранение контроля, парадоксальным образом усиливала структурный конфликт. Отсутствие механизмов политического диалога делало компромисс практически невозможным и формировало условия, при которых национальное движение всё чаще воспринимало силовое или экстремистское институциональное давление как единственный путь изменения ситуации. Этот процесс станет особенно заметным во второй половине XX века.⁷

Таким образом, включение Кипра в логику позднего колониализма Британской империи сыграло ключевую роль в формировании предпосылок будущего кризиса. Колониальная стабильность оказалась поверхностной и временной, тогда как под ней накапливались противоре-

чия, связанные с вопросами идентичности, суверенитета и политического представительства. Именно в этих условиях сформировалась среда, из которой выйдут новые формы национального лидерства и политического сопротивления.⁸

Примечания к разделу V

- Robert Holland, *Britain and the Revolt in Cyprus, 1954—1959* (PDF), pp. 9—11.
- British Colonial Office, *Cyprus Blue Book* (PDF), pp. 23—25.
- Robert Holland, *Britain and the Revolt in Cyprus, 1954—1959* (PDF), pp. 11—13.
- Paschalis Kitromilides, «Religion and Politics in Cyprus under Ottoman and British Rule,» pp. 127—129.
- British Colonial Office, *Reports on Cyprus Clergy and Politics* (PDF), pp. 13—15.
- Paschalis Kitromilides, «Orthodoxy and National Identity in Modern Greece,» pp. 158—160.
- Robert Holland, *Britain and the Revolt in Cyprus, 1954—1959* (PDF), pp. 13—15.
- Robert Holland, *Britain and the Revolt in Cyprus, 1954—1959* (PDF), pp. 15—17.

VI. Предпосылки появления нового типа лидера

К середине XX века кипрское общество подошло к состоянию, в котором существующие формы представительства и лидерства перестали соответствовать масштабам накопившихся противоречий. Колониальная система управления, ограничивавшая политическое участие, и рост национального самосознания создали ситуацию, при которой традиционные элиты оказались неспособны эффективно артикулировать общественные ожидания. Исследователи отмечают, что кризис носил не персональный, а структурный характер: он был обусловлен несовместимостью колониальной политической модели с уровнем социальной и национальной мобилизации.¹

В этих условиях особое значение приобрела институциональная роль Православной церкви. В отличие от светских форм представительства, ограниченных колониальной администрацией, церковь сохраняла относительную автономию и легитимность в глазах населения. Историческая преемственность, восходящая к османскому периоду, позволяла ей выступать в роли носителя коллективных интересов без формального нарушения колониальных рамок. Эта двойственная позиция – внутри системы и одновременно вне её – делала церковь уникальным пространством для формирования нового типа лидерства.²

Важно подчеркнуть, что запрос на нового лидера формировался не как абстрактное ожидание харизматической фигуры, а как потребность в посреднике между различными уровнями реальности. Такой лидер должен был быть способен взаимодействовать с колониальной администрацией, выражать национальные устремления и сохранять внутреннюю легитимность в глазах общества. Ни одна из существующих светских фигур не обладала подобным набором характеристик в полной мере.³

Религиозное лидерство, напротив, сочетало в себе символический капитал, институциональную устойчивость и историческую легитимность. Архиепископ рассматривался не только как духовный наставник, но и как представитель народа в его отношениях с внешней властью. Эта модель была глубоко укоренена в коллективном сознании и воспринималась как естественная форма общественного представительства.⁴

Колониальная администрация, осознавая эту особенность, относилась к церковной иерархии с настороженностью. С одной стороны, она была вынуждена признавать её авторитет и использовать его для поддержания порядка. С другой – стремилась предотвратить превращение религиозного авторитета в политическую силу. Архивные материалы показывают, что церковная деятельность находилась под постоянным наблюдением, а её публичные высказывания тщательно анализировались с точки зрения потенциальной угрозы колониальному управлению.⁵

На уровне общественного сознания происходило постепенное слияние религиозного, национального и политического дискурсов. Национальные требования всё чаще формулировались в терминах моральной справедливости, исторического права и коллективного достоинства – категориях, традиционно ассоциируемых с религиозным языком. Это позволяло обходить прямые политические запреты и одновременно расширять пространство общественной мобилизации.⁶

Таким образом, к середине XX века на Кипре сложились все предпосылки для появления лидера нового типа – фигуры, способной соединить религиозный авторитет с национальной программой и политической стратегией. Этот лидер не был продуктом индивидуальных амбиций, а результатом длительного исторического процесса, в ходе которого церковь, колониальная система и национальное движение сформировали уникальную конфигурацию ожиданий и возможностей.⁷

Именно в этой структурной логике следует рассматривать дальнейший переход от контекстуального анализа к биографическому повествованию. Появление конкретной личности, способной воплотить в себе запрос общества, становится не случайным событием, а закономерным итогом исторического развития Кипра в первой половине XX века. Этот переход подготавливает читателя к последующему анализу биографии и деятельности ключевой фигуры кипрской истории.⁸

Примечания к разделу VI

- Robert Holland, *Britain and the Revolt in Cyprus, 1954—1959* (PDF), pp. 17—20.
- Paschalis Kitromilides, «Religion and Politics in Cyprus under Ottoman and British Rule,» pp. 129—131.
- Paschalis Kitromilides, «Orthodoxy and National Identity in Modern Greece,» pp. 160—162.
- *Αλαντα Αρχιεπισκόπου Μακαρίου Γ', Τόμος I* (PDF), σ. 16—18.
- British Colonial Office, *Reports on Cyprus Clergy and Politics* (PDF), pp. 15—17.
- Paschalis Kitromilides, «Orthodoxy and National Identity in Modern Greece,» pp. 162—165.
- Robert Holland, *Britain and the Revolt in Cyprus, 1954—1959* (PDF), pp. 20—22.
- Paschalis Kitromilides, «Religion and Politics in Cyprus under Ottoman and British Rule,» pp. 131—133.

VII. Итог главы и переход к биографическому повествованию

Исторический путь Кипра до середины XX века демонстрирует устойчивую закономерность: ключевые повороты его развития определялись не столько внутренними социальными процессами, сколько взаимодействием внешнего господства и внутренних форм институциональной устойчивости. Геополитическое положение острова делало его объектом постоянного интереса крупных держав, тогда как локальные структуры – прежде всего религиозные и общинные – обеспечивали преемственность общественной жизни при смене политических режимов. Это сочетание внешней зависимости и внутренней устойчивости стало фундаментальной характеристикой кипрской истории.¹

Османский период заложил модель общественного представительства, в рамках которой Православная церковь выступала центральным посредником между населением и властью. Эта модель не была разрушена с переходом к британскому правлению, а, напротив, получила новое развитие в условиях колониальной системы, ограничивавшей возможности светского политического участия. Британская администрация, стремившаяся сохранить контроль над островом, была вынуждена учитывать влияние церкви, одновременно опасаясь её потенциала как центра национальной мобилизации.²

Формирование национального самосознания в конце XIX – первой половине XX века происходило в условиях этого институционального дуализма. Образование, культурные связи с Грецией и деятельность церковных структур способствовали распространению идеи *энозиса* и укреплению представлений о национальной общности. При этом национальная идея развивалась не в рамках легальных политических институтов, а через культурные и религиозные каналы, что придавало ей особую символическую и моральную нагрузку.³

Колониальная политика Великобритании, ориентированная на сохранение статус-кво, оказалась неспособной предложить механизм интеграции национальных требований в систему управления. Это привело к накоплению структурных противоречий, которые не находили институционального выхода. Кипрский случай в этом смысле типичен для позднего колониализма: внешняя стабильность сочеталась с внутренним кризисом легитимности, постепенно подтачивавшим основы колониального порядка.⁴

В результате к середине XX века кипрское общество оказалось в состоянии, которое можно охарактеризовать как кризис представительства. Традиционные формы лидерства, не обладавшие достаточной институциональной или символической силой, перестали отвечать ожиданиям общества. Одновременно религиозное лидерство сохраняло историческую легитимность и способность к артикуляции коллективных интересов, что делало его естественным кандидатом на расширение своей роли за пределы духовной сферы.⁵

Важно подчеркнуть, что появление нового типа лидера не было следствием случайных обстоятельств или индивидуальных качеств конкретной личности. Оно представляло собой структурный результат длительного исторического процесса, в котором сошлись геополитические факторы, колониальная политика, институциональная роль церкви и развитие национального самосознания. В этом смысле биографический нарратив, к которому далее переходит книга, является не отступлением от исторического анализа, а его логическим продолжением.⁶

Переход к биографии конкретной фигуры позволяет проследить, каким образом структурные условия воплощаются в действиях и решениях отдельного человека. История Кипра первой половины XX века подготавливает почву для появления лидера, способного соединить религиозный авторитет, национальную идеологию и политическую стратегию. Этот переход от контекста к личности является ключевым методологическим приёмом книги и определяет её дальнейшую композицию.⁷

Таким образом, первая глава выполняет функцию аналитического фундамента, без которого последующее повествование было бы лишено исторической глубины. Она показывает, что судьба Кипра и появление его ключевых политических фигур не могут быть поняты вне контекста длительных структурных процессов. Именно в этой перспективе становится возможным осмысление биографии лидера как отражения и одновременно трансформации исторических условий, в которых он действовал.⁸

Примечания к разделу VII

– Paschalis Kitromilides, «Religion and Politics in Cyprus under Ottoman and British Rule,» pp. 119—121.

– British Colonial Office, *Reports on Cyprus Clergy and Politics* (PDF), pp. 11—15.

– Paschalis Kitromilides, «Orthodoxy and National Identity in Modern Greece,» pp. 148—155.

– Robert Holland, *Britain and the Revolt in Cyprus, 1954—1959* (PDF), pp. 9—13.

– *Απαντα Αρχιεπισκόπου Μακαρίου Γ', Τόμος Ι* (PDF), σ. 16—18.

– Paschalis Kitromilides, «Religion and Politics in Cyprus under Ottoman and British Rule,» pp. 129—133.

– Robert Holland, *Britain and the Revolt in Cyprus, 1954—1959* (PDF), pp. 17—20.

– Paschalis Kitromilides, «Orthodoxy and National Identity in Modern Greece,» pp. 160—165.

Начало формы

Конец формы

ГЛАВА II

Происхождение и образование Макариоса III

I. Происхождение и ранняя социальная среда

Будущий архиепископ и президент Республики Кипр Макариос III (в миру Михалис Христодулу Мускос) родился в 1913 году в деревне Пано Панагия в горном районе Пафоса. Его происхождение было типичным для сельского греко-кипрского населения начала XX века: семья принадлежала к крестьянской среде, существовавшей в условиях ограниченных экономических возможностей и высокой зависимости от местных общинных структур. Исследователи подчёркивают, что именно такая социальная среда формировала раннее представление о коллективной взаимопомощи, дисциплине и роли традиционных институтов в повседневной жизни.¹

Деревенское общество, в котором вырос будущий лидер, было глубоко укоренено в православной традиции. Церковь выполняла не только религиозные, но и социальные функции, выступая центром образования, коммуникации и символического порядка. Для сельских общин Кипра начала XX века религиозная принадлежность была неотделима от коллективной идентичности, а духовенство воспринималось как естественный носитель авторитета. Этот контекст имел решающее значение для раннего формирования мировоззрения Макариоса.²

Экономические условия в горных районах Кипра были тяжёлыми. Ограниченность ресурсов, зависимость от сельского хозяйства и отсутствие устойчивых перспектив социального продвижения делали образование одним из немногих каналов возможной мобильности. В этом смысле путь Макариоса не был исключением: раннее обучение и последующее поступление в духовные учебные заведения рассматривались как социально приемлемая и престижная траектория для талантливых выходцев из сельской среды.³

Раннее вовлечение в церковную среду происходило не как результат индивидуального выбора, а как следствие структурных условий. Семья, местная община и образовательные возможности формировали рамки, в которых духовная карьера становилась логичным продолжением жизненного пути. Биографы отмечают, что уже в юные годы Макариос демонстрировал способности к обучению и дисциплине, что способствовало его продвижению в системе церковного образования.⁴

Важно отметить, что социальная среда Пафоса отличалась высокой степенью традиционализма. В отличие от городских центров, здесь медленнее распространялись новые политические идеи, а авторитет церкви сохранялся практически безальтернативным. Это обстоятельство способствовало формированию у будущего лидера устойчивого уважения к институциональной роли православия как основы общественного порядка.⁵

Одновременно с этим британское колониальное правление уже оказывало влияние на повседневную жизнь кипрских деревень. Налоговая политика, административные реформы и образовательные инициативы постепенно изменяли социальную ткань общества. Однако для сельских районов эти изменения носили фрагментарный характер, что усиливало разрыв между официальной колониальной структурой и локальными формами социальной организации. В этих условиях церковь оставалась главным посредником между населением и внешней властью.⁶

Таким образом, происхождение и ранняя социальная среда Макариоса III сформировали сочетание традиционализма и адаптивности, которое станет характерной чертой его дальнейшей биографии. Он вырос в обществе, где религиозный авторитет, коллективная идентичность и ограниченные социальные возможности определяли жизненные стратегии. Этот опыт не только предопределил его выбор жизненного пути, но и подготовил его к роли посредника между различными уровнями власти — локальным, национальным и международным.⁷

Примечания к разделу I

- Stanley Mayes, *Makarios: A Biography* (PDF, Internet Archive), pp. 3—5.
- Paschalis Kitromilides, «Religion and Politics in Cyprus under Ottoman and British Rule,» pp. 121—123.
- Stanley Mayes, *Makarios: A Biography* (PDF), pp. 5—7.
- P. N. Vanezis, *Makarios: Faith and Power* (PDF), pp. 9—12.
- Paschalis Kitromilides, «Orthodoxy and National Identity in Modern Greece,» pp. 150—152.
- British Colonial Office, *Cyprus Blue Book* (PDF), pp. 9—11.
- Stanley Mayes, *Makarios: A Biography* (PDF), pp. 7—9.

II. Духовное образование и ранняя церковная карьера

Начальный этап духовного образования Макариоса был тесно связан с традиционной системой подготовки православного духовенства на Кипре, которая сочетала элементы классического богословия с практической ориентацией на служение общине. Поступление в духовное училище рассматривалось не только как религиозный выбор, но и как социальная стратегия, открывавшая возможности для интеллектуального и институционального роста. Биографы отмечают, что именно в этот период формируется его дисциплинированный подход к обучению и высокая восприимчивость к иерархической логике церковной структуры.¹

Учебные программы духовных заведений делали акцент на изучении Священного Писания, патристики и канонического права, одновременно воспитывая чувство ответственности перед общиной. Для Макариоса это образование стало первым систематическим опытом интеллектуальной социализации, в рамках которого религиозные знания осваивались как инструмент общественного служения. Исследователи подчёркивают, что подобная ориентация отличала кипрскую церковную традицию от более абстрактных богословских школ континентальной Европы.²

Важным этапом стало продолжение обучения за пределами Кипра, что было характерно для наиболее перспективных представителей духовенства. Образование в Греции позволило Макариосу выйти за рамки локального контекста и познакомиться с более широкими интеллектуальными и национальными дискуссиями. Контакт с афинской академической средой усилил его интерес к вопросам национальной идентичности и роли церкви в общественной жизни.³

Греческая образовательная среда оказывала двойственное влияние. С одной стороны, она укрепляла традиционное православное мировоззрение, с другой – знакомила будущего лидера с современными политическими идеями и дискуссиями о национальном самоопределении. Биографические исследования указывают, что именно в этот период формируется его способность сочетать религиозный дискурс с национально-политической аргументацией, что в дальнейшем станет одной из ключевых особенностей его публичной риторики.⁴

Возвращение на Кипр после завершения обучения ознаменовало начало ранней церковной карьеры. Первые назначения носили преимущественно пастырский и административный характер, однако уже на этом этапе Макариос демонстрировал способности к организационной работе и взаимодействию с различными уровнями церковной иерархии. Его деятельность выходила за рамки формального исполнения обязанностей и была направлена на укрепление институциональной роли церкви в условиях колониального правления.⁵

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.